

Посвящается Анне Ивановне и Льву Николаевичу Фёдоровым

До зачёта оставалась ещё пара дней, но я чувствовал – не успею. Нужно было разобрать изрядный отрывок из Де Труэбы. Розгачёв ткнёт карандашом в строку наугад, а ты изволь объяснить, что имел в виду автор, да в какой идут форме глаголы с местоимениями. И так по всему тексту.

Угораздило же меня на втором курсе выбрать испанский!

Но теперь отступать было некуда. Я обложился словарями, добыл подстрочник и зубрил до посинения, так что буквы плясали у меня перед глазами. Перевёрнутые знаки препинания, казалось, потешались над моими усилиями, будто клоуны в цирке.

— Эль парайсо де сус суэньос, – бормотал я вполголоса. – Эль парайсо де, чёрт возьми, суэньос...

По коридору прошаркала бабушка – несла сумку с помидорами на кухню.

— Помочь? – крикнул я.

— Сиди уж, Денис, – донеслось из кухни. – Сама справлюсь.

Бабушке было под девяносто. Огурцы-помидоры она солила каждый год – делала запасы на зиму. Обычно в сентябре-октябре, но на этот раз припозднилась: на дворе стоял снежный декабрь.

Хотя силы были уже не те что прежде – дрожали руки, ослабло зрение, – к священнодействию своему бабушка никого не подпускала.

— Тут сноровка нужна. Вы, молодые, в деревне не жили, хозяйства не знаете. Только всё перепортите.

Естественно, о том, чтобы купить соленья в магазине, и речи быть не могло. Бабушка оставалась верна традициям: всё своими руками.

— Давай хоть кастрюлю подержу. Тяжёлая ведь, – я заложил злосчастного Труэбу карандашом, сунул под мышку и прошёл на кухню.

Бабушка, согнувшись в три погибели, перекладывала помидоры в большую пятилитровую кастрюлю с облупившейся эмалью:

— Чеснок почисть лучше.

Я выбрал из связки головку чеснока покрупнее и принялся за дело.

— *Las frutas y verduras son muy nutritivas*¹, – вспомнилась мне дурацкая фраза из учебника.

— А? – не расслышала бабушка.

Я перевёл.

— А, испанский... – Бабушка уложила в кастрюлю последний помидор и с кряхтением разогнулась. – Всё зубришь?

— Угу, – промычал я. – Застрял на двадцатой странице. Не идёт Труэба, хоть тресни. Вот, как тебе, например? – и я прочёл с выражением: – «Энконтрара эль параисо де сус суэньос эн лос паисес ке ва а рекоррер. Лас

---

¹ Фрукты и овощи очень питательны (*исп.*).

монтаньяс де Суиса, лос кастильос фьюдалес де Алеманья, ла филантропия инглеса...»

— Отыщешь ли ты рай своих мечтаний в тех странах, куда ныне держишь путь, – сказала бабушка неторопливо.

Я разинул рот.

А бабушка продолжала:

— Швейцарские горы, феодальные замки Германии, английская благотворительность... Дальше?

Певучий бабушкин голос напомнил мне далёкое детство: как я, с замиранием сердца, слушал былины и сказки, свернувшись калачиком в старом скрипучем кресле. Рассказывать бабушка была мастерица. Истории про серого волка, Илью Муромца, Василису Прекрасную чередовались с воспоминаниями об ушедшей бабушкиной молодости, военном лихолетье, скитаниях по стране. А иногда бабушка пересказывала русскую классику – «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Бежин луг», «Бесприданницу». Недаром почти сорок лет бабушка отдала школе, преподавала родную речь и литературу. Понимала и по-украински, разбирала белорусские говоры. Но испанский?! Откуда? Когда??

— Ты читала Труэбу? – вымолвил я.

— И не слышала о таком. Это кто-то из новых? – изборождённое морщинками бабушкино лицо на миг осветила улыбка.

— Девятнадцатый век, – я мотнул головой. – Но откуда тогда?..

— По-испански знаю? Это Вера меня натаскала. Подруга. Мы с ней были как сёстры. Очень-очень давно. Ещё до войны... – голос бабушки потускнел.

— Вера? – переспросил я. До сих пор я думал, что помню по именам всех бабушкиных подруг. Выходит, ошибался. Хотя большинства из них уже не было на свете, бабушка частенько о них вспоминала, и истории,

повторявшиеся из раза в раз, сделались чем-то вроде наших семейных легенд. Я их знал наизусть.

— Вера Тальянцева, – со вздохом кивнула бабушка.

— Ты о ней никогда не рассказывала.

Бабушка промолчала. Достала из шкафчика лавровую ветку, три листика положила в кастрюлю с помидорами.

— Хорошие помидоры, ростовские. Надо было побольше брать, – в последнее время у бабушки появилась привычка говорить с собой вслух.

Но я не поддался на уловку.

— Что за таинственная Вера? Я думал, ты в школе дружила с Ниной Сомовой, немного с Таней Аварской. Но про Веру никогда не было ни полслова.

— Не хотела огорчать деда. Вот и помалкивала. Он её тоже знал.

Дед умер два года назад. С бабушкой они знакомы были с детства, вместе играли, учились. Не закончив десятого класса, дед ушёл в авиацию – пилотом гражданского флота. Было это в апреле сорок первого года. С началом войны всех курсантов, будущих лётчиков, перебросили в армию – спешно переучиваться на истребителей.

Осенью немцы прорвали фронт под Ростовом, и дед с другими такими же семнадцатилетними мальчишками держал оборону, правда, не в небе, а на земле: для самолётов не хватало горючего.

Потом была эвакуация в Среднюю Азию. Дед рвался на фронт, но начальство его не пустило: слишком уж хорошо летал, поэтому был назначен лётчиком-инструктором – учить других.

С бабушкой они встретились снова в последние дни войны. Дедова эскадрилья перегоняла самолёты в Азов, и дед уговорил командира сделать остановку в Батайске, куда перебрались его родные. Там же жила и бабушкина семья. Бывший школьный товарищ, теперь статный

красивый лётчик запал бабушке в душу. В августе, в день авиации, сыграли свадьбу. И прожили вместе шестьдесят с лишним лет.

После дедовой смерти бабушка сильно сдала. Ходила с трудом, на улицу выбиралась редко, тяжело опираясь на палку. Летом подолгу сживала на лавочке у подъезда, кутаясь в тёплый платок. Изредка перекидывалась словечком с соседями, проходившими мимо, но больше молчала, думая о чём-то своём.

— С Верой мы проучились три года, — сказала бабушка. — Она к нам пришла в восьмом классе. Да вот класс-то её не принял. Чужачка была, и слухи ходили разные.

Бабушка налила воды в чайник, разожгла плитку. Устало села за стол и подпёрла ладонью щёку. Я сел напротив, туда, где раньше было дедово место.

— Первый день хорошо помню. Мы нарядные, после линейки. Сидим, перешучиваемся. Анна Никитична куда-то вышла. Звенит звонок — никого нет. Пять минут проходит — никого. Мы притихли. Вдруг входит директор, за ним Анна Никитична и незнакомая девочка. Сразу видно — нерусская. Высокая, на вид старше нас. Смуглая. Волосы до плеч, чёрные, будто вороново крыло. И одета не по-нашему — блузка синяя, юбка чуть не выше колен, таких тогда не носили.

— Познакомьтесь, — говорит директор. — Тальянцева Вера, ваш новый товарищ. Примите под пионерское покровительство. Расскажите, что у нас да как. Если надо, помогите с учёбой...

И тут новенькая директору прямо в глаза посмотрела и говорит с улыбкой:

— Спасибо, Андрей Евсеевич, но я сама справлюсь. Зачем ребят утруждать?

Говор у неё с акцентом едва заметным, но чёткий. И интонация, как бы сказать... свободная, что ли. Будто не школьница она перед директором, а равная с равным.

Мы, ясное дело, глаза вытаращили. Не принято у нас было директору перечить. Андрей Евсеевич тоже смутился, закашлялся, полез в карман за платком.

А Вера меж тем прошла за последнюю парту и села, там свободное место было, как раз рядом со мной.

Тут Анна Никитична холодно так говорит:

— Обожди, Вера. В классе решаю я, кому с кем сидеть. И я пока тебя не сажала.

Вера смотрит на неё вопросительно, но с места не двигается.

Тогда Андрей Евсеевич махнул рукой, и Анне Никитичне говорит:

— Пускай пока обвыкает. Первый день всё-таки. Тут, знаете... родители только что из Испании.

Анна Никитична сразу смягчилась:

— Ах, вот оно что... Испанские дети, – и оставила Веру в покое.

Директор пожелал нам успехов и вышел. Урок начался. И всё вроде стало по-прежнему, да не совсем. Ребята, девчата наши смотрели на Веру враждебно. Решили: вот задавака! И я поначалу так же подумала. Решила даже – как станет важничать, попрошу Анну Никитичну меня отсадить. Но дело было в другом.

Бабушка умолкла, прикрыла глаза. Чайник на плите засвистел.

— Испанские дети – это что, термин какой-то? – уточнил я, чтобы разогнать тишину. Что-то мелькнуло в памяти, связанное с войной, но ведь бабушка отучилась ещё до войны. Выпускной бал пришёлся как раз на двадцать первое июня сорок первого года.

— Эх, Денис, молодо-зелено, – бабушка усмехнулась. – А ещё студент. Язык учишь. В Испании в тридцатых годах была революция. Молодой республике пришлось трудно. Вспыхнул фашистский мятеж. Добровольцы со всего мира поехали в Испанию бить фашистов. Наши коммунисты тоже сражались – лётчики,

советники, врачи. Но кончилось плохо. Генерал Франко, закадычный друг Гитлера, задушил республику. А наши успели вывезти в Союз тысячи испанских детей – лишь бы уберечь от войны. Россия им второй родиной стала.

— Вот оно что, – протянул я, вставая. Выключил плиту, пока не сбежал чайник. Бабушка тоже с трудом поднялась. Принялась готовить рассол. Но рассказ продолжался.

— Ошиблась Анна Никитична. Вера к испанским детям отношения не имела. Просто отец её там работал в посольстве какое-то время. А так был наш кадровик, дипломат. Потом слухи ходили по школе, будто у Веры отец посол, – и тоже неправда. Он в посольстве был служащим невысокого ранга. В том году его отозвали в Россию. И уже из Москвы направили в Ростов-на-Дону. Зачем дипломата в Ростов – так и осталось неясным. Может, что-то готовилось в руководстве страны, да планы потом поменялись. Что-то с Турцией, может быть, хоть до Турции там не близко.

Я припомнил географическую карту. Действительно, выходило, что к Турции ближе из Крыма, а ещё лучше из Закавказья.

— Но выскочкой она не была, Вера-то, – добавила бабушка. – Это я поняла в тот же вечер, когда застала её с дневником у кострища. День нелёгкий для неё выдался: умудрилась две пятёрки и кол получить. Учителя заметили новенькую, хотели её проверить. Ну, Вера им дала жару.

Вторым уроком шла математика. Цифирь у Веры от зубов отскакивала. Что ни спросит Матвей Матвейч, ответ готов слёту. Четырёхзначные числа поделить, перемножить, даже корень извлечь – без малейшей запинки. Словно машинка счётная в голове, хоть их тогда и не было ещё, «компьютеров» этих. В магазинах конторскими счётами щёлкали – вот и вся техника.

Задачки Вера решала любые. И про поезд из точки А в точку Б, и про трубы, что бассейн наполняют. Для неё это было – так, семечки.

А потом был немецкий. И снова Вера на высоте. Ты, Денис, не знаешь, наверно, а тогда по всей стране немецкий учили. Словно чувствовали, с кем война будет. Позже, после войны уже английский всё вытеснил, в шестидесятые. А наше поколение в основном немецкий осваивало. Ну, кто как. Кто получше, кто похуже, иные совсем уж ни в зуб ногой. Учительница наша, Маргарита Модестовна, из поволжских немцев была. Всё сердилась на нерадивых. И тут вдруг Вера. Говорит как по писаному. Затараторила без остановки – минут на пять, учительница даже перебить её не решилась. А Вера знай себе шпарит – что-то про лето, про низовья Эльбы, про книжки...

Наконец Маргарита Модестовна её останавливает. Спрашивает:

— Ты, должно быть, в немецкой школе училась?

А тогда в городе Энгельсе, на Волге, знаменитые школы были с немецким языком. Пока автономию немецкую не упразднили.

— Нет, – улыбается Вера. А улыбка у неё такая была застенчивая, несмелая. Не вязалась с манерой её горделивой. – Нет, – говорит, – пока что не довелось. Просто родители мои в Германии работали одно время.

В общем, вышла Вера с урока с пятёркой, второй уже за день. Класс её обступил, расспрашивать стали: где жила, что видела, да как к нам попала. Всё ж таки Германия, Испания... В ту пору не то что сейчас – по заграницам не ездили. Если кто куда – редкий случай, особенный.

Был парнишка у нас, Федя Граев. По комсомольской линии потом выдвинулся. Так вот он Веру спрашивает:

— Скажи, как там люди-то за границей? Какие они вообще? Как живётся простому народу? Небось страдают шибко, под буржуйским-то гнётом?

А Вера ему:

— Люди везде люди. Такие же, как у нас. Есть весёлые, есть пугливые.

Федька аж покраснелся весь:

— Как так: такие же? У нас социализм, у немцев фашизм. У нас свобода, а у них что? Или ты там с буржуйским охвостом дружбу водила? Отвечай!

Вера к нему повернулась спиной, ничего не сказала. Федька тогда хватить её за плечо, разворачивает к себе... Я гляжу: быть беде. Но нет, тут твой дедушка подоспел, вмешался. Он высокий был, крепкий, Федьку мягко так отодвинул:

— Не задирай новенькую.

Федька – руки в карманы. Не стал связываться, отошёл. Но ребята, кто слышал, задумались: странная эта новенькая... Кто она? Коли разницы между буржуем и честным трудягой не видит – может, глупая вовсе? Ан нет, непохоже. Математику знает не хуже Матвей Матвеича. В общем, не человек, а сплошная загадка.

Тут звонок на историю. Вводный урок, современность. Борис Иванович, историк наш (мы его Бор-Иванычем звали), видно, наслышан уже, что новенькая по математике и языку отличилась. И сразу ей:

— Тальянцева, к доске.

Тут-то Веру настиг конфуз. В истории она хромала.

Вопрос, другой – сплошная нелепица. Что такое?

Бор-Иваныч тогда её спрашивает – ну, что попроще:

— А Парижская коммуна в каком году была?

— В тысяча девятьсот семьдесят первом.

В классе хохот.

Борис Иванович:

— Ты ничего не напутала?

Вера задумалась.

— Нет, – говорит. – В тысяча девятьсот семьдесят первом году, с марта по май.

— Ну, – отвечает Борис Иванович, – стало быть, нам до Парижской коммуны ещё жить да жить, тридцать лет и три года без малого.

Вера вспыхнула:

— Век перепутала...

— То-то и оно. Ну а скажи тогда, совсем лёгкий вопрос: когда образован Советский Союз?

Вера в пол смотрит.

— Не знаю...

Бор-Иваныч нахмурился:

— А сколько республик в составе Союза? Это хоть знаешь?

— Пять, – отвечает Вера. – Кажется, пять.

Тут я не выдержала, со своей парты принялась на пальцах показывать, что не пять, а одиннадцать! Одиннадцать их тогда было, ещё Прибалтика к нам не вернулась... Но Вера уставилась в окно и не видит меня.

— Интере-есно... – Бор-Иваныч усы подкрутил. – Перечисли, пожалуйста.

Вера оттарабанила:

— Российская, Киргизская, Белорусская, Украинская и Румынская.

— Румынская?!

В классе даже шёпоты смолкли. Никто больше не улыбался.

— Да это международный скандал, – Борис Иванович хмыкнул сурово. – Садись, Тальянцева. Единица. Не знаю, за что тебя расхвалили. Учись, учись, читай учебник. Там карта есть в приложении. Все республики названы.

Вера губу закусила, головой тряхнула, села за парту.

Я шепчу:

— Что ж ты не взглянула даже?! Я тебе подсказывала, а ты...

— Думала, что знаю... – отвечает. – Ошиблась.

Я киваю с сочувствием:

— В испанской школе, наверно, историю не проходят? Или там о своей стране только?

— Я в Испании не училась.

— А что же ты делала?

Вера хотела ответить, но тут Бор-Иваныч на нас шикнул, и до звонка мы помалкивали уже. А после меня Нина Сомова отвлекла.

Так закончился первый учебный день. А вечером я снова увидела Веру – случайно. Меня мать отправила в булочную. Дорога как раз мимо школы шла. За школой пустырь был – там физкультурники тренировались, потом поле футбольное сделали. И там же по осени листву собирали и жгли. У обочины, рядом с канавой, кострище осталось. Иду, смотрю: Вера. В полутьме я сначала не разглядела толком, подумала – вроде девушка из старших классов или, может, фабричная.

Но тут у неё огонёк в руках вспыхнул. Спичка.

Я окликнула её, подошла. Говорю:

— Ты что делаешь?

Мелькнула мысль глупая: вдруг она курит? У нас тогда строго было с курением. Из пионеров могли выгнать запросто. Надо, думаю, предостеречь, чтоб бросала эти привычки свои испанские.

Но нет, папиросы не видно. Вместо этого – из сумки тетрадь достаёт, толстую такую, белую. И пока не прогорел огонёк, поджигает обложку. Молча!

Мне как-то даже не по себе стало. Снова спрашиваю:

— Ты чего чудишь, Вера?

Тут она на меня посмотрела, и в глазах огонёк отразился. Говорит:

— Дневник жгу.

Я за голову схватилась:

— Ты с ума сошла? Тебе Анна Никитична такое устроит!

Хотела у неё отнять, но тетрадь занялась, я чуть руки не опалила. Отшатнулась в сторону.

Вера мне, с акцентом своим чуть заметным:

— Не бойся, Алёна. Я знаю, что делаю.

— Из-за единицы? – спрашиваю. – Можно было страничку выдрать...

Она бросила дневник наземь и носком туфли подоткнула, чтобы лучше горел.

— Нет, – улыбнулась. – Единица моя заработанная, я её не стыжусь. А дневник – он не школьный. Другой. Эльдиарь.

— Из Испании? – меня осенила догадка. Что ж, каждый вправе свой личный дневник уничтожить, хоть и странно всё это.

— Можно сказать, из Испании, – помолчав, ответила Вера. – Зря я его привезла. Подвёл он меня. Республики эти...

Она ещё поворошила догорающую тетрадь. Труху забросала палой листвой.

— Хочешь, – говорю, – тебя подтяну? Приходи ко мне заниматься.

— Зачем? Сама справлюсь.

Мне обидно.

— Зря, – говорю. – Ты и от пионерского покровительства отказалась. Держишься гордо. А наши ребята простые, не поймут они этого.

Вера на меня с удивлением посмотрела, брови нахмурила. А брови у неё чёрные, тонкие были.

— Что ты, Алёна? Я не гордая вовсе. Не хотела ребят нагружать. К чему им время тратить, когда я сама могу?

— Сама да сама, – передразниваю. – Где ты этого набралась? У нас коллектив всему голова. Пионерская дружина – великая сила. Вместе и проще, и веселее. А с единоличника какой толк? Брось. Приходи заниматься. Я тебя всем республикам научу и в истории натаскаю.

— Хорошо, — говорит. — Но тогда и я тебе подсоблю. По-немецки... Песни освоим. Знаешь, какие песни в Германии?

И запела — высоким голосом, мелодичным.

Я слушала-слушала, отвечаю:

— Здорово! А испанские знаешь? Мы «Гренаду» в пионерских походах пели, красивая — страсть!

— О, «Гренада», — говорит, — великая песня. На века... Я её до Испании ещё знала. Так бывает: о войнах забудут, а песня останется. Но она не испанская. Наша, советская. Впрочем, испанцы её тоже любят, даже слова переиначили на свой лад.

И мы на два голоса как запели — звонко, легко. Она запекает, а я подхватываю, она по-испански, а я по-русски...

Так началась наша дружба. Стала Вера ко мне ходить вечерами. А то, бывало, я к ней. Семья их жила от нас через дом, в коммунальной квартире, даром что дипломаты. Хотя комнату занимали просторную, уютную. Шторы, помню, висели с кисточками. Но соседи их часто ссорились, шум, гам стоял, поэтому заниматься мы во двор уходили. Или в беседку за школой, под сенью раскидистых вязов, — та пустовала обычно.

Историю Вера усвоила быстро. Немецкий я знала по школе и не любила его: клацающий какой-то язык. Поэтому само собой вышло: переключились мы на испанский. Вера много помнила стихотворений. Лорку, Мачадо, Хименеса... Но всё больше разговор у нас в сторону уходил: о том, как жилось ей в Испании, как страну изменила война, как страшно бомбили фашисты Мадрид, а по улицам ехали танки Республики.

А ещё Вера рассказывала о своих мечтах. Но мечты у неё были какие-то филантропические, общественные. Мы-то все, молодые девушки, парни — мечтали скорее вырасти, людьми стать, освоить профессию или дальше

учиться пойти. Девчата гадали о суженых, ребят тянуло в армию, в морфлот, авиацию, им грезились подвиги.

А Вера мечтала о том, как когда-нибудь поднимется страна: вырастут огромные красивые города с высокими домами, побегут во все стороны широкие светлые проспекты, поплывут мощнейшие корабли бороздить океаны, дирижабли полетят к Луне, к Марсу, а люди станут жить привольно и счастливо. Но звучало это так, будто самой Веры в этих мечтах нет.

Как-то раз я спросила её:

— Ты-то чем заниматься будешь среди всего этого великолепия?

Вера посмотрела куда-то ввысь:

— Что ж, если сбудется... В самом большом городе башня будет, считай, до неба. На верхушке башни – прожектор, мощности небывалой. Вот там я и буду: на весь мир глядеть, до самого краешка. Как из-за края земли чудовище вылезет тёмное, чтобы все города и моря уничтожить, я замечу, прожектор включу, и лучом его ошарашу. Пусть обратно за край земной прячется.

Я плечами пожала:

— Что за глупости? Детские сказки... И отстала ты, Вера, от жизни. Нет краёв у Земли. Круглая она, Земля-то.

Тут Вера рассмеялась как-то весело и отчаянно. Хотя мне совсем не смешно было. Она всегда так смеялась: разом, взхлёб, над чем-то одной ей понятным. Отсмеявшись, сказала:

— Не принимай всерьёз. Я так маленькой представляла будущий мир. А что шар Земля – знаю. Мне папа рассказывал, и в книге любой написано.

Потом добавила сумрачно:

— Может, в том и беда, что краёв у Земли нет: значит, чудища те среди нас ходят, невозможно их извести. Некуда. А впрочем, чепуха это всё. И дело себе я найду, уж не пропаду. Стану машинами управлять, тракторами,

комбайнами. Или на стройках подъёмным краном ворочать. Ух!

Ещё у Веры идея была одна странная. Мол, охоту в лесах запретить надо, все леса в заповедники превратить. Не терпела она, чтоб животных мучали, убивали. К ним она – всегда с душой. А вот с людьми по-иному, к людям, порой, очень жестокой бывала. Кто раз подвёл, не прощала.

Я ей:

— А как же колхоз, скотоводство? Народу что – траву есть?

— Хоть бы и траву.

Такое к живой твари отношение Вере потом в классе аукнулось.

Ещё у неё присказка была особая. Мы все, когда что-то важное обещали, говорили: «Честное пионерское»; а Вера – иначе. Говорила: «Клянусь алым знаменем!» – и глазами сверкала яростно. Сразу ясно – не поверить нельзя. Очень уж для неё всерьёз эта клятва была.

Шло время. Нинка Сомова с Таней Аварской от меня отделились: не по нраву пришлось им, что я с Верой сдружилась. Класс по-прежнему к Вере присматривался. В пионерское звено её приняли, но с неохотой: у неё на всё своё мнение было.

Решил наш отряд устроить в школе живой уголок и секцию юннатов организовать. Наташили ежей, морских свинок, кроликов всяких. Из лесу выманили рыжего лисёнка. А Вера встала стеной: зверьям лучше на воле. Что с ними будет в выходной без присмотра? По ночам в пустом здании?

Конечно, никто не поддержал её. Но и она при своём осталась. Сошлись на том, что октябрятам поручили дежурство – в выходной день зверушек подкармливать, клетки чистить. Но октябрята народ шепутной, ненадёжный. Пришлось самой Вере в неурочное время по школе дежурить. Ей завхоз ключ доверила.

Другой раз – собирали макулатуру. И звено твоего, Денис, деда приволокло откуда-то целую кипу дореволюционных журналов. Там же и книги толстые были – что-то по зоологии, медицине, хозяйству. И романы, все в старой орфографии. Видно кто-то из бывших спецов выбросил, а то и похуже.

У Веры глаза разгорелись.

— Не позволю, – говорит, – в макулатуру сдавать. Это ж книги великой ценности. Их в музей надо!

Ребята ей возражают:

— На что такое старьё? Наука давно вперёд ушла. Романы всякой пошлости только учат. И читать сложно из-за ятей, еров этих, ижиц. Нечего с барахлом церемониться, сдадим – перевыполним план.

Вера упёрлась. С дедом твоим у неё крепкий спор вышел. Не знаю как, но она его убедила. Да он и сам всегда книги любил.

В общем, Веру он зауважал.

Продолжение следует